

«УТВЕРЖДАЮ»:

проректор МГУ имени М.В.Ломоносова
доктор физико-математических наук,
профессор, член-корреспондент РАН

А.А. Федянин

«5» июня 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

**Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования**

**«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
на диссертацию Н.В.Шалыгиной «Трансформация этнокультурной
идентичности русскоязычных иммигрантов в США (1990–2020-е годы)»,
представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук
по специальности 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
(исторические науки)**

Диссертационная работа Натальи Валентиновны Шалыгиной представляет собой глубокое комплексное самостоятельное научное исследование, обладающее внутренним единством, глубокой и всесторонней обоснованностью научных положений и выводов, научной и социальной значимостью.

1. В контексте актуальности и общей характеристики исследования следует отметить, что тема диссертации обладает высокой научной, социальной и гуманитарной значимостью. В условиях трансформации геополитического ландшафта и кардинальной смены миграционных парадигм процессы адаптации, самоидентификации и культурного воспроизводства постсоветских мигрантов в Соединённых Штатах Америки приобретают принципиально новые измерения. Автор справедливо констатирует, что русскоязычная диаспора в США не представляет собой монолитного образования, а выступает сложной, динамично меняющейся системой этнокультурных, гендерных, межпоколенческих и профессиональных практик, требующей комплексного этнологического осмысления (с. 4–6). Особую остроту теме придаёт факт смены миграционных волн: если 4-я волна (1990-е гг.) формировалась в условиях постсоветского

транзита, структурного кризиса и вынужденной миграции, то 5-я волна (2000-е – 2020-е гг.) характеризуется преимущественно добровольным переездом высококвалифицированных специалистов, цифровых профессионалов и представителей креативных индустрий. В этом контексте исследование Н.В. Шалыгиной своевременно заполняет существенный пробел в отечественной миграциологии и этнографии, предлагая лонгитюдный анализ трансформации идентичности в период кардинальной смены коммуникативных, экономических и ценностных парадигм (с. 46–48). Работа полностью соответствует паспорту научной специальности 5.6.4, демонстрирует высокий уровень теоретической рефлексии, методологической строгости и эмпирической насыщенности.

2. В рамках базовых исследовательских установок подчеркнём, что объект исследования сформулирован корректно и соответствует масштабу докторской работы (с. 32). Предмет исследования конкретизирован в строгом соответствии с паспортом специальности 5.6.4 (с. 32). Цель исследования – выявление и определение основных тенденций в динамике этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов США и влияние данных процессов на перспективы развития Русского зарубежья – логично структурируется на десять взаимосвязанных задач, которые последовательно раскрываются в шести главах диссертации (с. 33–34). Отдельно следует отметить высокую степень проработанности задач, каждая из которых имеет чёткий эмпирический и аналитический выход: от периодизации эмиграционных потоков и анализа диаспоральной политики до сравнительного изучения гендерных сценариев интеграции, лингвокультурных кодов и влияния информационно-компьютерных технологий на структурную ассимиляцию (с. 33–34, 317–320).

Методологический аппарат исследования отличается глубиной, междисциплинарностью и адекватностью поставленным задачам. Автор опирается на системный подход, принципиально избегая редукционизма и линейных моделей ассимиляции (с. 34). В качестве ключевых методологических ориентиров выступают теория лиминальности А. ван Геннепа и В. Тернера, концепция двойной рефлексивности Т. Шанина, интерпретативная антропология К. Гирца («насыщенное описание»), а также методология цифровой этнографии,

адаптированная к исследованию онлайн-практик иммигрантов (с. 34–36). Подобная методологическая полифония позволяет автору не только фиксировать внешние проявления адаптации, но и реконструировать внутренние смыслы, мотивации и когнитивные схемы, лежащие в основе трансформации идентичности. Особо стоит отметить применение принципа «двойной рефлексивности», который учитывает не только мнение самих респондентов по поводу изучаемого предмета, но и открытое обсуждение этого предмета с интервьюером, т.е. своего рода двойную его интерпретацию, а также те смыслы, которые признаются всей группой респондентов (с. 282–283). Имиджелогический подход используется в диссертации как попытка определения комплекса факторов, порождающих культурно-опосредованный образ «Другого» в иммигрантской среде (с. 36). Все методологические инструменты применяются не механически, а органично вплетаются в ткань исследования, обеспечивая переход от эмпирического наблюдения к теоретическому обобщению.

Источниковедческая база диссертации характеризуется репрезентативностью, сложной структурой и новизной привлекаемого материала. В работе задействованы: архивные фонды (ГАРФ, Музей русской культуры в Сан-Франциско, Гуверовский институт Стэнфордского университета), личная переписка и биографические письма 1990-х гг. (26 писем), материалы включенного наблюдения, проведенного автором в Калифорнии и Бостоне, неструктурированные и полуструктурированные интервью (23 интервью), результаты фокус-групп, статистические данные Росстата, DHS, Census Bureau, а также цифровые источники (хэштеги Instagram, форумы, блоги, тематические сообщества) (с. 36–41). Особо стоит отметить применение программного комплекса NVIVO для топ-10 анализа связанных хэштегов из выборки в 3,5 млн. единиц, что свидетельствует о высоком уровне владения современными инструментами анализа больших данных в гуманитарных исследованиях (с. 37–38). Классификация источников по временному фактору (до и после наступления информационно-компьютерной эпохи) и по типам нарратива (письменный, устный, цифровой, статистический, архивный,

периодический) демонстрирует системный подход к источниковедческому анализу и позволяет автору избегать фрагментарности в реконструкции иммигрантского опыта (с. 36–41).

Научная новизна исследования носит комплексный характер и проявляется на трёх уровнях: фактологическом, теоретико-методологическом и концептуальном. При этом, во-первых, в научный оборот впервые вводятся результаты пролонгированного полевого исследования, охватывающего период с середины 2000-х по конец 2010-х гг., включая уникальные свидетельства представителей 4-й и 5-й волн, цифровые следы иммигрантских практик и автобиографические нарративы женщин-иммигранток (с. 46). Во-вторых, впервые применяется системный подход к анализу этнокультурного сознания постсоветских иммигрантов, интегрирующий теорию лиминальности, концепцию двойной рефлексивности, интерпретативную антропологию и цифровую этнографию. Введён и эмпирически обоснован концепт гендерного дифференциала социокультурной адаптации, демонстрирующий различия в ресурсах, стратегиях и траекториях интеграции мужчин и женщин в условиях инокультурной среды (с. 46, 338–340). В-третьих, показано, что лингвистический феномен «рунглиша» выступает не просто коммуникативным суррогатом, но маркером групповой принадлежности и индикатором готовности/неготовности к смене этнокультурного кода. Впервые проведён сравнительный анализ адаптационных сценариев русских, украинских и еврейских общин США, выявлены специфические механизмы сохранения идентичности (благотворительные сети, зонтичные структуры, цифровое кочевничество, преподавательские инициативы) (с. 46, 207–241, 317–394).

Положения, выносимые на защиту, сгруппированы по трём смысловым блокам (языковая, гендерная, этническая идентичность), сформулированы конкретно, логически непротиворечиво и напрямую вытекают из представленных эмпирических данных (с. 48–52). Каждое положение подкреплено примерами из полевого исследования, статистическими выкладками или анализом цифровых практик, что обеспечивает их верифицируемость и защищённость.

3. В рамках вопроса достоинств, научных достижений и перспектив исследования стоит особо выделить следующее. Диссертация Н.В. Шалыгиной представляет собой не просто завершённое эмпирическое исследование, а своего рода научный камертон, задающий новый ритм осмыслению миграционных процессов в условиях цифровой эпохи и геополитической турбулентности. То, что на первый взгляд может показаться частными полевыми наблюдениями, при внимательном анализе обнаруживает свойства интуитивно схваченных закономерностей, способных лечь в основу новых теоретических построений. Автору удалось не только зафиксировать трансформацию идентичности, но и нащупать те скрытые механизмы, которые определяют устойчивость культурного кода в условиях иноэтничной среды. Ключевыми достоинствами работы, являются:

1) Концепция гендерного дифференциала социокультурной адаптации, позволяющая двигаться от эмпирического наблюдения к новой парадигме исследования. При этом следует отметить, что введённый автором термин (с. 338–340, 388–390) выходит далеко за рамки описательной статистики. Он фиксирует фундаментальную асимметрию адаптационных ресурсов, которая, при развитии этой оптики, способна стать самостоятельной теорией «адаптивной мобильности». Автор интуитивно уловил, что в кризисных условиях иммиграции именно женские стратегии поиска, гибкости и бытового укоренения оказываются несущей конструкцией выживания семьи, тогда как мужские модели, ориентированные на статусный лифт, чаще сталкиваются с эффектом «сломанной ступеньки» (с. 375–383). Перспектива развития этой идеи колоссальна: если проследить логику дифференциала в условиях искусственного интеллекта, автоматизации труда и климатической миграции, можно получить прогностическую модель того, как гендерные ресурсы будут перераспределяться в обществах будущего. Работа уже содержит зародыш теории, способной переосмыслить не только миграциологию как таковую, но и социологию труда, семейную экномику и даже урбанистику кризисных районов.

2) «Рунглиш» и цифровые практики с учётом лингвокультурного кода как лаборатории формирующейся автономии. В данном случае анализ языковой

интерференции (с. 279–289) и онлайн-нарративов подан автором не как дефицит компетенции, а как живой процесс семиотического самоопределения. Эта установка открывает путь к пониманию того, как в цифровую эпоху формируется «пограничная идентичность», не стремящаяся к ассимиляции, но и не замыкающаяся в миграционном анклав. Автор фиксирует, что рунглиш выступает инструментом маркировки «своих», а цифровые следы становятся новым полем культурного воспроизводства (с. 37–38, 383–386). Особо стоит отметить, что перспектива здесь заключается в переходе от лингвистического описания к моделированию «цифровых культурных экосистем». Если развить эту линию, можно создать методологию отслеживания того, как онлайн-сообщества мигрантов становятся прототипами будущих транснациональных культурных узлов, не привязанных к географическим границам. Подчеркнём, что работа закладывает основу для исследований на стыке цифровой антропологии, семиотики и социологии сетей.

3) Архитектура диаспор как интуитивная типология стратегий устойчивости. В данном случае речь идёт о сравнительном анализе русской, украинской и еврейской общин (с. 89–241), которая выявляет не просто различия в организациях, а три принципиально разных алгоритма выживания в принимающей среде: культурно-просветительский (русские), политико-сетевой (украинцы) и благотворительно-адаптивный (евреи). При этом автор тонко уловил, что эффективность каждой модели зависит не от численности, а от гибкости внутренних институтов и способности конвертировать ресурсы в социальный капитал. Безусловно, что это наблюдение, доведённое до теоретического уровня, может стать основой для «диаспоральной картографии» в многополярном мире. Перспективы такого развития очевидны: на базе выявленных алгоритмов можно строить сценарии поведения диаспор в условиях новых геополитических сдвигов, санкционного давления или цифровых ограничений. И в данном случае работа предлагает не констатацию, а рабочий инструмент для прогнозирования устойчивости этнических сетей в XXI веке.

4) Женские сценарии успеха: от «спуглеров» к цифровому кочевничеству как культурному инкубатору. Особо выделим, что раздел о женских стратегиях

(с. 338–393) демонстрирует поразительную глубину. Автор показывает, как женщины-иммигрантки, формально лишённые профессиональных перспектив, создают параллельную инфраструктуру культурной передачи (воскресные школы, неформальные сети, цифровое кочевничество). И это не просто адаптация, это интуитивно выстроенная «мягкая сила» диаспоры. Перспектива развития данной линии заключается в осмыслении женских практик как ядра транснациональной культурной дипломатии. И если продолжить исследование в этом направлении, можно выявить, как неформальные женские сети постепенно заменяют государственные программы интеграции, становясь главным каналом передачи ценностей следующим поколениям. Очевидно, что в данном вопросе работа открывает путь к новой социологии «невидимого труда» в миграции, где культурное воспроизводство становится важнее экономического выживания.

5) Методологическая интуиция в контексте двойной рефлексии как инструмента фиксации «невыведенного». В связи с этим отметим, что использование концепции Т. Шанина (с. 34–35) в сочетании с включённым наблюдением и биографическим методом позволяет автору улавливать то, что обычно остаётся за рамками статистики: скрытые страхи, ностальгические рефлексии, неосознанное сопротивление ассимиляции. Автор интуитивно чувствует, где заканчивается декларация и начинается подлинный опыт. Эта методологическая чуткость открывает перспективы для внедрения в этнографию элементов когнитивной психологии и лонгитюдного цифрового мониторинга. И если развить данный подход, можно создать «эмоциональную карту» иммиграции, где трансформация идентичности будет отслеживаться не через опросы, а через анализ повседневных практик, цифровых следов и межпоколенческих нарративов. При этом работа демонстрирует, что качественные методы, доведённые до уровня системной рефлексии, способны давать данные, недоступные для больших массивов формализованной информации, что крайне важно для дальнейших исследований.

6) Перспективы теоретического масштабирования: от частной оптики к универсальной модели. Вполне возможно, что главная ценность диссертации заключается в том, что автор не останавливается на фиксации наблюдаемых

явлений, а интуитивно выводит их на уровень обобщающих закономерностей. Выявленная им логика «культурного кода как динамической константы» (с. 242–289) при последующей разработке способна лечь в основу универсальной модели адаптации в условиях глобализации. Если продолжить исследование в направлении межкультурной семиотики, нейроантропологии миграции или цифрового моделирования идентичности, работа может стать реальным методологическим фундаментом для целого направления в современной этнологии. Автор уже сейчас нащупал тот узловой «нерв», который соединяет историческую память, повседневные практики и цифровую реальность в единую ткань иммигрантского опыта. Развитие этой линии обещает не просто расширение эмпирической базы, а качественный скачок в понимании того, как культуры выживают, трансформируются и воспроизводятся в условиях радикальной неопределённости.

4. В соответствии с академической традицией рецензирования докторских диссертаций необходимо отметить ряд аспектов, которые не снижают общей научной ценности работы, но могут быть развиты в последующих публикациях, монографиях или исследовательских проектах автора и других исследователей. Данные замечания сформулированы в формате научных перспектив, открывающих новые горизонты для развития изучаемой проблематики. К ним можно отнести следующее.

1) Географическая локализация полевого материала и верификация моделей, которая связана с тем, что данное полевое исследование сфокусировано преимущественно на агломерациях Калифорнии (Сан-Франциско, Сан-Хосе, Сан-Леандро) и Бостона (с. 47–48, 321–323). В зарубежной миграциологии отмечается, что региональные различия в структуре рынка труда, плотности диаспоральных сетей и климатических условиях формируют вариативные сценарии структурной ассимиляции (A. Portes, R. Rumbaut, 2006). Перспектива такого развития определяется через сравнительное изучение адаптационных траекторий в других макрорегионах США (Средний Запад, Юг, Северо-Восток), что позволило бы проверить универсальность выявленного автором гендерного

дифференциала и уточнить влияние локальных институциональных сред на выбор стратегий интеграции.

2) Методологическое оформление цифровых источников, где следует уточнить, что использование данных социальных сетей, форумов и хэштегов в качестве значимого источника полностью оправдано логикой исследования 5-й волны (с. 37–38, 281–283). Однако в тексте недостаточно раскрыты алгоритмы отбора топ-10 связанных хэштегов из выборки в 3,5 млн единиц, а также процедуры верификации цифровых следов через триангуляцию с оффлайн-данными. В современных исследованиях цифровой этнографии подчёркивается важность учёта алгоритмической предвзятости платформ и политик модерации контента, которые могут влиять на репрезентативность онлайн-нарративов (А. Markham, 2015; N. Couldry, A. Hepp, 2017). А значит, перспектива развития может определяться тем, что разработка и публикация стандартизированного протокола отбора и валидации цифровых данных повысит воспроизводимость исследования и откроет возможности для междисциплинарного диалога на основе цифровых технологий.

3) Тонкости использования понятия «русскоязычные». В соответствии с ним автор справедливо использует термин «русскоязычные» как объединяющий коммуникативный маркер, однако аналитические границы между языковой общностью, этнической самоидентификацией и гражданской лояльностью иногда размываются, особенно при анализе 5-й волны ИТ-специалистов, сознательно дистанцирующихся от этнических ярлыков (с. 4–5, 253–254). Тем более, что в западной критической миграциологии принято различать языковое сообщество (*linguistic community*), этническую идентичность (*ethnic identification*) и гражданскую принадлежность (*civic belonging*), поскольку их несовпадение формирует различные траектории транснациональной мобильности (R. Brubaker, 2005; Т.Н. Eriksen, 2021). В свете этого, возможно, в рамках дальнейшего развития следует учесть вопрос введения многомерной шкалы измерения степени этнокультурной гибридности и индексов транснациональной вовлечённости, который позволил бы точнее зафиксировать,

как представители 5-й волны конструируют ситуативные идентичности в профессиональных и бытовых контекстах.

4) Учёт последних геополитических трансформаций после 2022 года. Связано это с тем, что эмпирический материал диссертации охватывает период до начала 2020-х годов (с. 46–47). Но события последних лет кардинально изменили миграционные потоки, правовые статусы и механизмы самоидентификации русскоязычных иммигрантов в США. В международных исследованиях отмечается, что геополитические шоки ускоряют процессы фрагментации или, наоборот, консолидации диаспор, активируя цифровые сети взаимопомощи и новые формы транснациональной солидарности (А. Alencar, 2022; M. Gillespie et al., 2022). В связи с этим следует учесть фактор актуализации исследования с учётом новых миграционных волн (2022–2025 гг.) и трансформации институциональной поддержки, который позволил бы проверить устойчивость выявленных закономерностей и выявить новые механизмы адаптации в условиях повышенной неопределённости.

5) Интеграция количественных методов верификации, который связан с тем, что диссертация преимущественно опирается на качественные методы, и это полностью адекватно задачам данного этнографического исследования (с. 41–45). Однако, частичное внедрение количественных моделей (например, сетевой анализ связей внутри диаспоральных сообществ, регрессионный анализ факторов успешной структурной ассимиляции) могло бы укрепить и усилить доказательную базу выводов. В современной миграциологии смешанные методы (mixed-methods) признаются оптимальными для картирования плотности транснациональных связей и оценки долгосрочных эффектов интеграционных программ (L. Bakewell, J. Ploner, 2010; L. Ryan, 2018). Не исключено, что междисциплинарное сотрудничество с специалистами в области интеллектуального анализа данных (data mining) и анализа социальных сетей (social network analysis) позволило бы создать прогнозные модели адаптационных траекторий, востребованные как в академической среде, так и в практике управления миграционными процессами. Впрочем, подчеркнём, что перечисленные аспекты исследования носят рекомендательный и

перспективный характер, т.е. затрагивая фундаментальных положений диссертации, не снижают её теоретической и эмпирической ценности и отражают естественные горизонты развития любой крупной научной работы.

5. Отдельно стоит подчеркнуть социальную и глобальную значимость исследования. В данном контексте стоит выделить следующее.

1) Особую научную значимость исследования, которая связана с тем, в работе над диссертацией автор прошёл сложный путь от эмпирического описания к новой парадигме миграционных исследований. В результате работа Н. В. Шалыгиной преодолевает устоявшийся в отечественной и зарубежной миграциологии линейный подход к ассимиляции, предлагая вместо него многовекторную модель трансформации этнокультурной идентичности, демонстрируя, что адаптация постсоветских иммигрантов в США не укладывается ни в классическую схему «плавильного котла», ни в механистические модели сегментированной аккультурации. Вместо этого автор фиксирует сетевую, контекстуальную и ситуативную природу идентичности, которая конструируется на пересечении исторической памяти, институциональных возможностей принимающей страны, цифровых практик и гендерных стратегий выживания. При этом на теоретическом уровне работа вводит и эмпирически верифицирует концепт гендерного дифференциала социокультурной адаптации, который ранее существовал лишь в виде гипотез. Также автор доказывает, что в кризисных и транзитных условиях именно женщины демонстрируют более высокую поисковую активность, вариативность поведенческих репертуаров и способность преодолевать структурные барьеры (включая эффект «сломанной ступеньки» и «синдром самозванца» в ИТ-сфере), что не только расширяет инструментарий гендерных исследований миграции, но и ставит под сомнение западные представления о «пассивной» роли женщин-иммигранток, предлагая рассматривать их как активных агентов культурного трансфера и сетевой консолидации. Кроме того, методологически диссертация задаёт новый стандарт для этнологических исследований диаспор: сочетание пролонгированного включённого наблюдения, биографического метода, фокус-групп и цифровой этнографии (анализ хэштегов, форумов, блогов через NVIVO)

позволяет фиксировать не только декларируемые, но и латентные, неосознаваемые механизмы идентичностного конструирования, а феномен «рунглиша» переосмысливается не как лингвистический дефицит, но как активный семиотический маркер лиминальности, инструмент групповой солидарности и барьер, сознательно или полусознательно используемый для дистанцирования от тотальной ассимиляции. Безусловно, это открывает новые горизонты для этнолингвистики, цифровой антропологии и когнитивных исследований миграции.

2) Социальную значимость исследования, связанную с тем, что данная работа даёт обществу и научному сообществу инструменты для преодоления упрощённых представлений о «русскоязычной диаспоре» как о монолитном образовании. В рамках данного исследования автор чётко демонстрирует, что 4-я и 5-я волны иммиграции руководствуются принципиально разными целеполаганиями: если первые стремились к интеграции и сохранению «русскости» в условиях кризиса 1990-х, то второе поколение ориентируется на рациональное использование ресурсной базы США для профессиональной самореализации, рассматривая этническую принадлежность как факультативный, а не определяющий фактор. Поэтому социальный эффект работы заключается в способности объяснить внутренние напряжения диаспоры: межпоколенческие разрывы, гендерные сдвиги в ролевых моделях, отказ от традиционных этнических конгрессов в пользу неформальных цифровых сетей, а также рост феномена «цифрового кочевничества» как новой формы транснациональной принадлежности. При этом работа показывает, что русскоязычные женщины в США выступают не «хранительницами очага», а архитекторами новых образовательных и культурных инфраструктур, используя для этого воскресные школы, онлайн-сообщества, проекты межкультурной толерантности, которые фактически заменяют устаревшие институты диаспоральной поддержки. Особо отметим, что диссертация предоставляет для социальных работников, психологов, педагогов и представителей НКО эмпирическую базу для разработки адаптационных программ, учитывающих не только языковой барьер, но и когнитивные диссонансы, вызванные

столкновением этнокультурных кодов, а также гендерно-специфические стрессоры, включая статус «спуглера», потерю профессионального статуса, синдром культурного шока у IT-специалистов и т.д..

3) Глобальную и цивилизационную значимость исследования диаспоры в эпоху цифровой турбулентности, поскольку в глобальном измерении работа актуализирует понимание диаспор как динамичных транснациональных сетей, чья жизнедеятельность всё меньше зависит от географической привязки и всё больше определяется цифровыми инфраструктурами, профессиональными сообществами и личными стратегиями самореализации. Отметим, что автор показывает, как геополитические сдвиги (распад СССР, миграционные волны 1990-х, кризисы 2014 и 2022 гг.) ускоряют фрагментацию или, наоборот, консолидацию русскоязычных сообществ, формируя новые форматы транснациональной солидарности, не укладывающиеся в рамки классической дипломатии или идеологических проектов. Как следствие, диссертация вносит вклад в мировые дискуссии о мультикультурализме, демонстрируя эффективность модели «миски салата» (salad bowl), где сохранение исходного культурного кода не противоречит структурной интеграции. Особенно значимым также является анализ того, как информационно-компьютерные технологии трансформируют сам ландшафт адаптации: от замещения физических диаспоральных центров виртуальными сообществами до появления т.н. «цифровых кочевников», чья идентичность конструируется вокруг профессиональной мобильности, а не этнической принадлежности. Это позволяет взглянуть на миграционные процессы не как на проблему «утечки мозгов» или «культурной ассимиляции», а как на ресурс формирования новых транснациональных профессиональных и культурных экосистем.

Как видим, диссертация Н. В. Шалыгиной выходит далеко за рамки академического описания миграционных процессов. Она предлагает рабочую аналитическую оптику, позволяющую увидеть в постсоветской диаспоре не остаточное явление прошлого, а активный субъект глобальных культурных, профессиональных и цифровых трансформаций. Работа даёт основания для пересмотра устаревших управленческих шаблонов, отказа от

идеологизированных нарративов в пользу ресурсно-ориентированных стратегий и признания того, что в XXI веке идентичность конструируется не только на территории принимающей страны, но и в цифровых пространствах, профессиональных сетях и гендерно-дифференцированных практиках повседневности. В научном плане это весомый вклад в теорию транснациональной идентичности и цифровую этнографию. Дальнейшее развитие заложённых в диссертации концептов способно сформировать новое направление на стыке миграциологии, цифровой антропологии и стратегического управления человеческим капиталом в транснациональном контексте, что делает данную работу не просто завершённым исследованием, но точкой отсчёта для следующего поколения научно-прикладных разработок.

Таким образом, диссертация Шалыгиной Натальи Валентиновны представляет собой завершённое, самостоятельное научное исследование, выполненное на высоком теоретическом, методологическом и эмпирическом уровне. Работа полностью соответствует паспорту научной специальности 5.6.4, содержит новые научно обоснованные результаты, вносящие существенный вклад в развитие этнологии, антропологии и миграциологии. В ней автор продемонстрировал зрелость научного мышления, способность к комплексному анализу сложных социокультурных процессов, высокое мастерство в работе с разнородными источниками и умение интегрировать традиционные полевые методы с новейшими цифровыми технологиями исследования.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы чётко, аргументированно и логически вытекают из представленного эмпирического материала. Практическая значимость работы подтверждается возможностью применения её результатов для совершенствования государственной политики в сфере поддержки соотечественников, разработки образовательных программ, оптимизации консульской и культурно-просветительской деятельности. Критические замечания, отмеченные в отзыве, носят конструктивный характер и открывают перспективы для дальнейшего развития научных изысканий автора.

Диссертация Натальи Валентиновны Шалыгиной по теме «Трансформация этнокультурной идентичности русскоязычных иммигрантов в США (1990–2020-

е годы)» отвечает квалификационным критериям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание научной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.4 – этнология, антропология и этнография (исторические науки), и соответствует требованиям пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842).

Отзыв подготовлен Ставицким Андреем Владимировичем, кандидатом философских наук, доцентом кафедры истории Филиала МГУ в г. Севастополе.

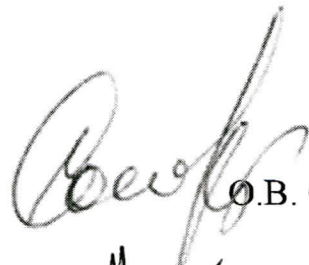
Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории Филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе (протокол №12 от 8 мая 2026 года).

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д.1.

ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», +7(495)939-10-00,
info@rector.msu.ru

299001, Российская Федерация, г. Севастополь, Нахимовский р-н, ул. Героев Севастополя, 7, Филиал МГУ в г. Севастополе, +7(8692)48-94-67,
priemdir@sev.msu.ru

Заведующий кафедрой истории Филиала
Московского государственного
университета в г. Севастополе,
кандидат исторических
наук, доцент

О.В. Солопова

Секретарь заседания

А.Д.Кудрявцева

Директор Филиала Московского государственного
университета в г. Севастополе, кандидат
физико-математических наук, доцент

О.А. Шпырко